[Профессор… Я думаю, что закопать меня на горе за универом будет быстрее, чем закончить учебу. Почему я должен ходить в университет?]

[Нет… А почему Black Call не возвращаются? Вы больше не хотите работать с агентством???]

Аспирантка, разместившая пост в SNS, сегодня от души проклинала своего преподавателя.

Говорили, что быть запоздалой фанаткой было страшнее, но в годы школы она не следила за кумирами, однако все изменилось после встречи с Чу Усоном из Black Call три года назад.

«Этот парень… Он красивый…»

Она прослезилась, когда повторно опубликовала в своем твиттере фото Чу Усона, которое висело там почти три месяца.

Black Call — мужская айдол-группа, амбициозно выпущенная крупной развлекательной компанией несколько лет назад и занимавшая одно из первых мест в Корее.

Вначале она была просто фанаткой-манглом в сообществе Чу Усона, но, однажды попав в их ряды, она вскоре стала настоящей фанаткой.

В раздражении она посылала проклятия в адрес агентства, но тут на экране появилось уведомление от аккаунта Чу Усона.

— А?..

С ума сойти, неужели это наконец-то произошло?

Этот парень, который постоянно размещал посты по типу «#Реклама #Название бренда», не показывая должным образом своего лица, заставил ее почувствовать, что она умрет.

Но сегодня он наконец-то выложил свое лицо!

Счастливо любуясь, аспирантка нахмурилась, увидев следующее загруженное видео.

— Что это?

***

Прошло всего два дня, но из-за того, что у меня было много дел, мне казалось, что я не

приходил Daepaseong Entertainment уже очень давно.

Я вздохнул. Здание компании выглядело еще более старым после осмотра квартиры Чу Усона. Тем не менее, в моем мобильном телефоне было спрятано мощное оружие.

Войдя в здание, я увидел Чон Даджуна, который с озабоченным видом бродил по вестибюлю.

— Хён?

— Да, — отозвался я.

Глаза Чон Даджун расширились, и он поспешно подбежал ко мне и схватил за руку.

— Почему ты не отвечаешь на мои звонки?

— Хм… У тебя хорошая дикция.

— Ах, хён!

Я не был уверен, не показалось ли мне, что у меня из ушей пошла кровь, когда он продолжал задавать мне вопросы. Я спросил, убирая руку:

— Как дела?

— А как они могут быть? — Кан Ичхэ появился словно из ниоткуда. Он покачал головой, улыбаясь, как сумасшедший.

— Последние два дня были просто безумными.

— Сонхён-хён сходил с ума… Атмосфера была действительно очень напряженной. Дживон-хён прикрыл это… Нет, это не важно. Ты наконец сдался?

— Что значит сдался? — не понял я.

— Хм? Разве ты не пришел сюда, потому что не мог получить песню?

Эти сопляки, они недостаточно верили в меня.

Я надавил на затылок Чон Даджуна, и он невинно поднял на меня глаза. В тот момент, когда

Чон Даджун не смог избежать того, что произошло в следующие мгновение, и закричал «ай», я встретился взглядом с Кан Ичхэ. Мимолетное выражение в глазах Кан Ичхэ, казалось, пораженно говорило: «Не может быть».

Кан Ичхэ, как я и думал раньше, выглядел как идиот, но был сообразительным.

Кан Ичхэ спросил:

— Правда?

— Правда, — угрюмо ответил я. Кан Ичхэ все еще сомневался во мне, но спокойно направился в тренировочный зал.

Там я увидел Ким Сонхёна и Сон Дживона, которые разговаривали с серьезным выражением лица. Увидев меня, они подскочили.

— Ты вернулся?

Ким Сонхён взглянул на меня, и я также почувствовал на себе обеспокоенный взгляд Сон Дживона.

Почему они казались такими мрачными?

— Хоюн-а.

Сон Дживон, колеблясь, подошел ко мне.

— Ты через многое прошел, да?

Хм?

— Я слышал, что композитор Лим Хёнсу обладает грубым характером и острым языком… Она сказала тебе что-нибудь грубое? — продолжал говорить Сон Дживон.

Это было еще одним неожиданным развитием событий.

Вероятно, Сон Дживон утешал меня, полагая, что я потерпел неудачу.

— Я слышал это.

— Что… Что он сказал? — не поняли остальные мои слова.

— Сумасшедший ублюдок, сукин сын, придурок… Я слышал всякое.

Лим Хёнсу по-прежнему нецензурно выражалась.

По мере того, как я объективно излагал услышанное, атмосфера в тренировочном зале, и без того находившаяся на грани взрыва, становилась все более напряженной.

— Хён…

— Боже…

Чон Даджун выглядел грустным, как будто мир разрушился. Ким Сонхен, который, как я думал, будет саркастичным, на удивление держал рот на замке, беря в расчет мои чувства.

— …Да, ты хорошо постарался. Не расстраивайся, что не получил песню… — утешал меня Чон Даджун.

— О чем ты говоришь? Когда я сказал, что не получил ее?

— Что?

— Конечно, я получил ее. Я же сказал, что получу ее.

У всех были ошеломленные выражения лиц, неспособные принять реальность.

Я прошел мимо них к колонке и подключил ее к телефону. Оборудование было устаревшим. Надо будет купить новое, когда я получу деньги.

И я включил музыкальный файл, который заранее получил. Я вспомнил наш с Лим Хёнсу телефонный звонок, когда она передала файл.

— Эй, серьезно… Меня вдруг посетило вдохновение! Что-то просто пришло мне в голову. Ну не сумасшедший ли у меня талант? — воодушевленно говорила она.

— Да…

— Эй, ублюдок, ты слушаешь? — И она включила песню.

Сначала был гул, словно искажение звука после погружения под воду.

И через мгновение раздался взрыв. Начался интенсивный электронный ритм.

— Продолжая работать, я разволновалась и вставила разные вещи. Все еще есть части, которые мне не нравятся, поэтому я их изменю, — пояснила Лим Хёнсу.

Во всяком случае, она была перфекционистом. Я думал, что она не станет этого делать, но Лим Хёнсу сама добавила текст-путеводитель. Приблизительные слова песни также были добавлены в соответствии с переданной мной концепцией.

Это был хриплый женский голос, но его без проблем можно переделать на мужской.

Скажи это еще раз, мы в начале пути

Я буду возвращаться каждый раз.

Не бойся этого странного чувства — дежавю,

Не нужно беспокоиться…

Текст подходит на удивление хорошо.

Даже не зная о том, что это песня Blue Tiger, это было так очевидно.

Любимый ритм, песня, концепция и стиль Лим Хёнсу.

Она скулила, но все равно сделала настоящий ритм и мелодию.

«Ты молодец, Лим Хёнсу».

Прошло три минуты и сорок секунд, и песня закончилась.

Получилось действительно неплохо. Все, что осталось, это добавить более подробное планирование и историю и попросить Лим Хёнсу изменить текст.

— Что скажете?

Я повернулся к участникам с довольным лицом. Я думал, что они будут прыгать от восторга, но

они все…

Они молчали.

— Что случилось? Вы все еще что-то подозреваете?

Они думают, что это не песня Blue Tiger? Сон Дживон покачал головой, пока я размышлял над тем, стоит ли мне доказывать это видеозвонком Лим Хёнсу. Похоже, он все понял.

— Я тебе доверяю.

Тогда почему, черт возьми? Что это за молчание?

— Как ты это получил? Откуда вы знаете друг друга… Кроме этого… — посыпались вопросы.

Тем временем Ким Сонхён отмер. Он выглядел нерешительным, когда спросил:

— Это наше?

— Конечно.

Мне не нужно было говорить, что я получил песню в качестве пожертвования за талант.

Кан Ичхэ долго молчал, прежде чем сказать:

— Песня хорошая…

Внезапно Чон Даджун шмыгнул носом, напугав всех. Я был ошарашен больше остальных.

— Ты плачешь?

— Нет, я не плачу… Эх, это так расстраивает…

— А почему ты плачешь?

Обычно, если спросить плачущего человека, почему он плачет, ответа не будет. Однако я был в таком недоумении от такого абсурда, что не мог не спросить.

Вместо Чон Даджуна, который притворялся, что не плачет, шмыгая носом, Сон Дживон

похлопывая его по плечу, объяснил:

— Наверное, это потому, что песня очень хорошая. Мы, правда… Мы получили песню, которую, как я думал, может получить только крупное агентство. Не могу поверить.

— Ву-у-у…

— Даджун очень страдал целый год.

О, по крайней мере, они не говорили, что им это не нравится.

Чон Даджун не мог прийти в себя, даже когда Сон Дживон его успокаивал, и продолжал рыдать.

Вдруг Кан Ичхэ встал и захлопал в ладоши.

— Давайте все похлопаем. Аплодисменты тем, кто освободился от проклятия ананаса. Аплодисменты Со Хоюну!

К счастью, настроение изменилось. К счастью, у Кан Ичхэ была стойкая психика.

Никто ничего не сказал, но я мог сказать по их глазам, что они были благодарны мне. Даже Ким Сонхён.

— …Хорошая работа.

Он не сказал «спасибо» открыто.

«Ха…»

«Не ошибутся ли эти парни в своих заверениях…»

Ведь они все были наивными. Я с горечью ждал, когда эта внезапно возникшая теплая атмосфера утихнет. И когда Чон Даджун перестал всхлипывать, я хлопнул в ладоши.

— Ладно, ребята. Тогда давайте поговорим.

Не зная, о чем еще можно поговорить и опасаясь моих слов, остальные члены группы замолчали и уставились друг на друга, ничего не говоря.

Зная, что они будут беззащитны и к этому они не готовы, я кивнул и бросил им приготовленную мной распечатку. Находившийся рядом Кан Ичхэ быстро схватил ее.

— Что это?

— Данные.

— Какие данные?..

— Выбрать песню — это еще не все. Танец, текст, планирование. Я подобрал все тренды, которые актуальны в эти дни.

— И что?

Чон Даджун был в замешательстве, но Кан Ичхэ и Ким Сонхён, похоже, поняли и уже просматривали данные.

Точно, айдолы должны быть быстро соображающими.

— Составьте план в соответствии с песней и соедините все воедино. И мы все посмотрим на это.

— А?

— Ты не можешь применить здесь план «Ананаса». Я скажу генеральному директору компании, чтобы он полностью его пересмотрел.

Изначально было бы правильно сначала составить план, потом сочинить, написать текст и поставить хореографию, но у нас оставался всего один месяц.

Лучше думать, что мы уже мертвы.

Все энергично закивали головами, как будто их это взбодрило.

— Я сделаю все, что в моих силах.

— Да! Давайте сделаем это!

— Уже два часа.

— Да!

Я посмотрел на свой мобильный телефон.

— Закончим к трем. Потом я пойду на совещание по планированию, — оповестил я.

Вам, ребята, тоже придется заплатить за еду.

— Это невозможно…

— Нет, мы сделаем это.

Когда менеджер и Чон Даджун произнесли свои реплики, Сон Дживон вскочил. Его глаза сверкали настойчивостью и несгибаемостью.

Я оставлю это вам.

Я обратился к менеджеру:

— Выйдите со мной.

— Почему я?

— А? Хоюн-хён, куда ты собрался? Разве мы не должны делать это вместе?

Нет. Конечно, раз уж я был продюсером, я мог делать это с закрытыми глазами, когда речь шла о планировании, но сейчас было что-то более срочное, чем это.

В ответ на вопрос Кан Ичхэ я указал пальцем вверх.

— На встречу с генеральным директором.

Все широко раскрыли рты и потеряли дар речи.

— Ч… чтобы сражаться?

— Нам приходится начинать с нуля, так что да.

— Хоюн-а, мне жаль, что тебе придется взять весь гнев на себя.

«Динь!»

[Гм… Гм…]

Даже системное окно, в котором печатался только сарказм, растерялось и со вздохом наблюдало за наивными членами группы.

— Все в порядке.

Я повернул голову, схватил менеджера и зашагал к кабинету генерального директора.

Менеджер был неспокоен, но у нас были дела, которыми нужно было заняться.

— Ты сказал, что исправил контракт, так?

— Э-э, т-так, это не та работа, по которой нужно обращаться к генеральному директору…

— Я собираюсь пересмотреть весь план, поэтому мне следует зайти к нему и проконсультироваться.

…на самом деле это была отговорка.

Мне нужно было встретиться с президентом наедине.

Когда я пришел в кабинет генерального директора, человек, которого я видел в прошлый раз, все еще просматривал документы с серьезным выражением лица.

— Что случилось? — спросил он.

— Здравствуйте, это Со Хоюн.

— А… — попытался вмешаться менеджер.

— Ты пришел поговорить о контракте?

Генеральный директор прищурился.

— Да, и об этом тоже, — ответил я.

— Серьезно. Свяжись со мной в следующий раз заранее. Ты постоянно появляешься внезапно...

Это потому, что я не могу тебе доверять, придурок.

Я не могу доверять этой проклятой компании, где ничего не делается, хотя до даты камбэка оставался всего один месяц.

Поскольку я остался неподвижным, генеральный директор вздохнул и жестом подозвал менеджера.

— Контракт.

— Да!

Менеджер быстро принес его. Я сел напротив генерального директора и быстро просмотрел контракт.

Обычно люди в возрасте от двадцати лет, и особенно те, кто стажировался в тренировочных залах в качестве айдолов, даже не знали, что это такое контракт, поэтому они просто ставили на него свою подпись и заканчивали с этим.

— Я посмотрел и обнаружил, что все еще не было должным образом составленного контракта, поэтому я составил новый в соответствии со стандартами.

Менеджер дал мне подробное объяснение. Сухо пролистав десятистраничный документ, я спросил:

— Ты сказал генеральному директору, что я собираюсь пересмотреть план?

— А? Э-э-э... Я примерно сказал ему об этом, но...

Кажется, он хитро пропустил это.

— Ты собираешься пересмотреть план? Почему? — спросил генеральный директор.

— Потому что это пустая трата времени.

Я видел, как генеральный директор нахмурился. Наверное, он решил, что это просто бравада.

Затем менеджер неожиданно вскочил с места.

— Хо… Хоюн не просто так это говорит! Он принес песню от Blue Tiger!

«Ах, черт».

Я собирался использовать это в критический момент. Он пытался подбодрить меня, но ничего не понимал в этом.

Бросив холодный взгляд на менеджера, я повернулся к директору. Он выглядел заинтересованным, спрашивая:

— От Blue Tiger?

http://tl.rulate.ru/book/72625/3240971